

Хорошие законы порождены дурными нравами

Что делать, если предприятие оказалось в сложной экономической ситуации? Обращаться за разъяснениями и реальной помощью к профессионалам по процедуре банкротства, считает Игорь Гладков (председатель Совета НП СРО «Сибирский центр экспертов антикризисного управления», руководитель регионального управления по Новосибирской области, к.э.н.)

По Джефферсону, законы и установления должны идти рука об руку с прогрессом человеческой души. Но о душе как-нибудь в другой раз. А пока речь пойдет о новых изменениях законодательства о банкротстве, вызванных материальными потребностями природы человеческой: не самым порядочным поведением наших граждан в столь неоднозначной ситуации банкротства и затянувшейся экономической бурей.

— Игорь Владимирович, 28 апреля законодатель вновь внес изменения в закон о банкротстве. Что послужило причиной их появления, и в чем заключается суть этих нововведений?

— Закон о банкротстве по природе своей не может быть постоянным законом, он должен обновляться. По мере того, как изменяется мировая экономика и мировоззрение в целом. Все должно сопоставляться с жизненным принципом: «сколько предприятий открывается, столько и закрывается». Только надо научиться закрывать цивилизованно. Пока же правовой менталитет русского человека сводится к тому, что «законы пишутся, чтобы их нарушать». Поэтому главная цель изменений в законе о банкротстве — ужесточить ответственность лиц, оказывающих влияние на должника, за доведение предприятия до банкротства, за совершение действий и сделок в ущерб интересам кредиторов. Именно с этой целью законодатель подробно урегулировал основания для оспаривания и возврата имущества в конкурсную массу. То есть все, что ранее регулировалось одной статьей 103, теперь закреплено в отдельной главе III.1 «Оспаривание сделок должника». В ре-

зультате правоотношения в области оспаривания сделок должника в банкротстве могут претендовать на самостоятельный институт права.

— Каким конкретно образом согласно нововведениям увеличивается ответственность руководителя?

— Стал шире круг самих сделок, которые могут оспариваться по специальным основаниям банкротства. Конкретнее, законодатель расширил понятие «сделка должника» как в смысле статьи 153 ГК РФ, так и моменты, касающиеся юридических действий, которые должником непосредственно не совершаются, но касаются его имущества и имущественных обязательств. На практике правоприменения это актуально в вопросах оспаривания изъятия собственником имущества должника, переданного в хозяйственное ведение. Кроме того, стал точнее перечень оснований оспаривания сделки. Если несколько упростить, то в действовавшем ранее законе можно выделить два таких основания: убыточные сделки с заинтересованными лицами и сделки по удовлетворению требований кредиторов, совершенные в нарушение очередности (предпочтительные сделки). В новой классификации выделяются две условные группы: подозрительные и предпочтительные сделки. Первые, в свою очередь, подразделяются на убыточные и так называемые злостные. Стоит обратить внимание на то, что некоторые понятия вводятся законодателем впервые. Это является источником дополнительных трудностей в понимании законодательных коррективов. Безусловно, в качестве плюса нововведений можно выделить тот факт, что у арбитражного

управляющего стало больше полномочий. Прокуратура, в отличие от предписаний, существовавших ранее норм, теперь призвана оказывать арбитражному управляющему реальную помощь. Раньше возникали проблемы даже с тем, чтобы завести дело о преднамеренном либо фиктивном банкротстве. Теперь же можно говорить о возможности более тесного и продуктивного сотрудничества. Так, очень плотно прокуратура занялась решением задач, связанных с заработной платой.

— Остается ли у недобропорядочных руководителей возможность переписать накануне суда имущество на родственников, став таким образом практически нищими?

— Нет. Изменения в законодательстве эти лазейки закрыли. В случае аннулирования всех подозрительных сделок в преддверии банкротства долги кредиторам будут выплачивать родственники собственника компании по восходящей и нисходящей линии. Стоит обратить внимание и на тот факт, что введены два периода подозрительности. Так, недействительными по новому законодательству будут признаны сделки по отчуждению как личного имущества, так и имущества компании, совершенные за год до банкротства. Второй срок подозрительности наступает, если кредитор в момент совершения сделки был в курсе неплатежеспособности, и составляет более одного года, но не позднее трех лет до принятия заявления о банкротстве судом.

— Вы упомянули, что некоторые понятия в законодательство о банкротстве введены впервые. На что в таком случае нужно обратить особое внимание?

— В первую очередь каждый руководитель должен подумать, прежде чем что-то сделать. Все ведь может вернуться на круги своя. Что касается новшества, то стоит отметить, что убыточные сделки вводятся впервые в том смысле, что теперь такое основание касается не только сделок, совершенных должником с заинтересованным лицом, но и с любым субъектом. Под убыточностью сделки понимается «неравноценность встречного исполнения обязательств другой стороной сделки, в том числе занижение цены, ухудшение иных условий по сравнению с аналогичными сделками». Период совершения таких сделок — один год до принятия заявления о признании должника банкротом. Злонамеренная сделка подразумевает умысел другой стороны по сделке, которая знала о том, что должник на момент совершения сделки отвечал признакам неплатежеспособности или недостаточности имущества, и была нацелена именно на причинение вреда имущественным правам кредиторов. В отличие от убыточных такие сделки могут быть оспорены, если они совершены в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом. Но если учитывать среднюю продолжительность «жизни» российских предприятий, вряд ли такой срок можно отнести к удачно обозначенному.

— Давайте уточним, что может служить критерием для того, чтобы отнести сделку должника к категории **злонамеренных**?

— О злонамеренности сделки могут свидетельствовать такие обстоятельства, как продажа имущества должника балансовой стоимостью более 20% от стоимости активов, изменение должником места нахождения до или после совершения сделки, сокрытие имущества, уничтожение или искажение документации должника, продолжение пользования должником переданным имуществом либо сохранение возможно-

сти определения его судьбы. Таким образом, законодатель пытается исходя из практики рассмотрения споров и нынешней ситуации «подогнать» под законодательное урегулирование всевозможные случаи злоупотреблений в сфере банкротства, что также не вполне удачно, поскольку такое регулирование приведет только к сужению возможности применения данных норм на практике.

— **Может ли закон в том виде, в каком существует сегодня, решить все проблемы, связанные с вопросами оспаривания сделок должника? Какие моменты затрудняют применение на практике этих норм?**

— Действительно, «белых пятен», нечетких формулировок много. На сегодняшний день есть моменты, которые можно назвать «угловатыми». Постепенно, я думаю, совместными усилиями всех, кто задействован в этой сфере, мы «закруглим» эти моменты и придем к цивилизованному пути ликвидации предприятия. В целом закон стал более прозрачным, более конкретизированным. Но справедливости ради стоит отметить, что ни один закон так не менялся с ног на голову и наоборот, как закон о банкротстве. Это влечет за собой очень много трудностей. Прежде всего, необходимо учитывать тот факт,

что в разных регионах, разных арбитражных судах трактовка одного и того же закона может быть совершенно различна. Здесь срабатывает человеческий фактор, который диктует то или иное понимание одной статьи в законе. Поэтому один из явных минусов действующего сегодня закона о банкротстве — излишняя непонятность изложенных сложным юридическим языком

норм. Чтобы руководитель разбирался во всех тонкостях, должна быть большая практика. Порой даже простой юрист не в состоянии сопоставить какие-то специфические моменты. Поэтому нужно стремиться к законодательной простоте. Скажу другими словами. Все мы слушали уже покойного Гайдара, и все мы слушаем Жириновского. Предмет разговора, казалось бы, один, но многие, не понимая Гайдара, понимают Жириновского, который достаточно доступно, как на кухне, излагает суть вопроса. Фактор простого понимания стоит учитывать и при внесении изменений в действующее законодательство. Что вообще можно говорить о простоте конкретного закона, если, согласно статистике, около 85 процентов россиян знают о том, что Конституция есть, но никогда ее не читали!

— **Каким образом, по вашему мнению, возможно преодолеть эти препятствия?**

— Я считаю, что экономика в целом, бизнес и законодательство должны действовать в одном русле, а не как те самые лебедь, рак и щука. Какова же картина в нашей стране сегодня? Силовые структуры работают исключительно как институт наказания, бизнесмены думают лишь о том, как получить все больше прибыли и обмануть при этом го-

сударство, не заплатив ему положенные по закону налоги. Если не будет этого взаимодействия, ничего хорошего предвидеть не стоит. Кроме того, законы должны писать практики из различных сфер экономики. Сегодня уже наметилась тенденция увеличения количества тех, кто выбрал процедуры банкротства как инструмент для оздоровления своего бизнеса. Пока что это десятки доли процента от общего количества предприятий, попавших в кризисную ситуацию. Радует то, что это уже не минус. Есть смысл в очередной раз напомнить, что, если, иной раз не по своей вине, предприятие столкнулось с какими-то сложностями, то это говорит об одном: ему нужно помочь. Сейчас, даже в условиях кризиса, нет проблемы в том, чтобы открыть какое-либо предприятие. Насущной проблемой до сих пор остается вопрос о его цивилизованном закрытии. Порой ситуация усугубляется тем, что кредиторы, в основном это банки, реструктуризацией долгов, увеличением процентной ставки все интенсивнее «загоняют» руководителя в долговую яму, не давая при этом выбора в одностороннем порядке. Проблема будет до тех пор, пока руководители предприятий с ужасом воспринимают ситуацию банкротства, упорно не желая увидеть в ней иной смысл — реорганизацию. Или, если хотите, реструктуризацию долгов через институт банкротства, которая порой бывает единственной мерой для сохранения бизнеса.

Сейчас, даже в условиях кризиса, нет проблемы в том, чтобы открыть какое-либо предприятие. Насущной проблемой до сих пор остается вопрос о его цивилизованном закрытии

**СИБИРСКИЙ ЦЕНТР ЭКСПЕРТОВ
АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ**
Территориальное управление по НСО
Саморегулируемая организация
Арбитражных управляющих

Основное направление деятельности — проведение процедур банкротства: наблюдение, внешнее управление, финансовое оздоровление, конкурсное производство, мировое соглашение.

- ◆ Возможность выбора арбитражного управляющего из членов Партнерства в соответствии со специфическими требованиями, предъявляемыми к его кандидатуре (опыт работы в определенной отрасли, квалификация, стаж работы в качестве арбитражного управляющего);
- ◆ профессиональное консультирование по вопросам несостоятельности (банкротства);
- ◆ анализ финансового состояния должника, определение признаков преднамеренного либо фиктивного банкротства.

Наши координаты: 630007, г. Новосибирск, ул. Серебренниковская, 14/1, а/я 66, т./факс: (383)210-30-80, 359-53-02, 255-45-05
e-mail: novosib@sibsro.ru www.sibsro.ru

Елена ТАНАЖКО